

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ. ЧЕЛОВЕК-КРЕПОСТЬ

Покойный Иван Кириченко все время упрашивал меня: “Ну соберитесь вы все, кто за Россию радеет, да сфотографируйтесь”. Речь шла об издателях и редакторах, о тех, кто, вопреки удавке певца классовой борьбы Александра Николаевича Яковлева, только что провозгласившего ее как главную ценность в статье Литгазеты “Против антиисторизма”, – продолжали утверждать в своих изданиях идеи верности Отечеству, традициям великой русской литературы, народности. Речь шла о таких изданиях, как “Молодая гвардия”, “Наш современник”, издательствах “Москва”, “Московский рабочий”, “Современник” и некоторых других, где, несмотря ни на что, публиковались статьи и книги о русской истории, гениях русской культуры, открывались новые имена.

“Где соберемся?” – спрашивал я. “Как где, конечно, в “Огоньке”, у Софронова”. Да, “Огонек” Анатолия Владимировича Софронова был безусловным патриотическим, духовным центром, а его главный редактор – одним из тех, кто мощью своей, умением, профессионализмом, талантом уничтожал уныние, вселял уверенность, укреплял Дух у всех, кто хотел и служил делу России. Человек-крепость – так называли мы его. Ибо за плечами его авторитета было уютно, спокойно, и тут, на страницах “Огонька”, встречались все подлинные таланты России, тут создавалась неповторимая панорама творчества народов Советского Союза, тут взращивались молодые писатели, укреплялись в своем мастерстве именитые. “Огонек” для всей страны был подлинным очагом культуры, просвещения. Он был домашней Третьяковкой, ибо здесь представлялись великие художники и из номера в номер велся рассказ о них. Я встречал репродукции мировых и русских классиков, вырванные из “Огонька”, в дощатом аэропорту чукотского Анадыря, в хижине бурятской пастишки на севере Байкала, в чисто побеленной украинской хатке и юрте монгольского арата.

Нынешний “Огонек” и иже с ними в лучшем случае предлагает рекламу “сникерса” и “стиморола”. В дома, юрту, клуб вползает с их помощью порнография и пошлость. А “Огонек” того времени представлял высокую классику в литературе, живописи, музыке и не боялся, что это не поймут массы. “Огонек” Софронова стоял, как кость в горле, у тех, кто нынче прорвался к рычагам власти, к рычагам средств массовой информации. Им не по душе была

эта открытость к великим ценностям мира и России для широких масс. Ведь постигая Гоголя и Достоевского, созерцая Сурикова и Рафаэля, узнавая о музыке Свиридова, человек значительно меньше будет одурманиваться заманками кошелька и рекламы, он не поддастся придурковатой простоте Лёни Голубкова, идиотизму ваучеризации.

“Огонек” и его редактора штурмовали многие годы, но особо он стал ненавистным в первые годы перестройки. Свергнуть Софронова – это была одна из серьезных задач архитекторов распада и разложения. Он, правда, и сам-то к тому времени хотел уйти – годы давали о себе знать, но держался до последнего, и мы должны его поминать как доблестного солдата русской культуры, как достойного патриота и гражданина, стоявшего до последнего сердечного биения на рубежах Отечества.

А вот другое дорогое воспоминание. Гостиница “Советская”. Софронову – шестьдесят. Мы, молодогвардейские издатели, довольно молодые и нищеватые, но полные энтузиазма и наивной веры в праведность служения державе, приглашены. Может, впервые попадаем на столь шикарный прием. А шикарный он – количеством людей, которых мог пригласить знаменитый и щедрый драматург и поэт, изобильным столом, разнообразием вин и закусок, которые привезли друзья Анатолия Владимировича из Грузии, Молдавии, Крыма, Ростова, с Украины, Кубани. Мое еще не искусенное тогда воображение поразило то, когда вдруг погас свет и официанты вошли, создавая хрустальный звон бокалами, а вслед за этим внесли присланные друзьями из Африки ананасы, внутри которых изумрудным светом светились свечи. Но все-таки не этим поразило застолье, а тем, кто сидел рядом с хозяином: знаменитые писатели и машинистка, государственные деятели и рабочий с “Россельмаша”, композиторы и уборщица. Щедр был на дружбу Анатолий Владимирович, щедр на добрые слова и на доброе дело. И самый пиком в этом праздновании был выход на сцену партизан из той землянки, где в далекие военные годы в тылу врага Анатолий Софронов исполнил впервые “Шумел сурово брянский лес”. Для Анатолия Владимировича это был сюрприз, и он в обнимку с фронтовыми друзьями запел уже легендарную песню. А трехсотголосый зал с яростью подхватывал: “Громи захватчиков, ребята!”

Тех захватчиков, немецких, удалось разгромить. Хуже было с внутренними, ряженными под борцов за улучшение социализма, за классовость, борцов с патриархальщиной, с шовинизмом. Они превращались то в противников догматизма, то в напористых реформаторов. Как столько лет мог непоколебимо стоять на страже интересов России наш старший собрат, знает только его истрепанное в общественных схватках сердце да верная ему Эвелина Сергеевна.

И совсем личное. Два идеологических лидера страны плюс КГБ, вместе с какими-то темными силами и личностями, устроили в конце семидесятых годов подлинную охоту за мной. Уж очень явственно пробивалась линия защиты России и русских в делах в издательстве “Молодая гвардия” и в “Комсомолке”. Пылкость юности, вера в истину, восторг перед открываемой в не изведанных раньше книгах Россией, знакомство с подлинными, а не заемными, отечественными умами, некоторая наивность в представлениях о возможностях властителей позволяли быть мне и некоторым моим друзьям в “Молодой гвардии” и “Комсомольской правде” бесстрашными ребятами.

У нас вышли книги: “1 августа 1914 года”, где впервые говорилось о роли масонства в революции, “Фашизм под голубой звездой”, “Вторжение без оружия”, блестящие книги “О, русская земля”, “Час Быка”, “Русские писатели XVII века”. В “Комсомолке” мы обрушиваемся на коррупцию в Сочи, на Северном Кавказе. Терпеть этого не могут. Следует обсуждение на бюро ЦК ВЛКСМ, две записки в Политбюро от КГБ, постоянное приклеивание ярлыков: “русифил”, “русопят”. И еще – “великорусский шовинист”. А это уже у всех властей в России – криминал. Затем был донос, что “Ганичев у нас главный идеолог”. (Правда, доносчик пропустил одно слово, там было сказано: комсомольский идеолог.) Последовал вердикт черного или, вернее, серого кардинала в партии: убрать с работы из “Комсомолки”. Убрали быстро. Теперь известно, что должны были последовать и другие, более серьезные акции (готоввилась перестройка). Они и последовали. Три подряд автомобильные катастрофы. После первой главврач Склифосовской больницы сказал мне: отныне празднуйте свой день рождения 23 августа, после такого удара цементовоза живыми не остаются. После второй аварии мне раздробило

на одиннадцать осколков руку. Ну ничего, писал, сжав зубы, левой. Многие из бывших друзей переходили на другую сторону при встрече, количество звонков уменьшилось раза в три. Отверженный. Ничего, работал, писал, и вдруг звонок. Звонит Софронов: “Валерий, пора книжечку снова издавать”. Нет нужды напоминать, что книжки “Огонька” были самой надежной визитной карточкой в стране. Издавались невиданным по нынешним меркам тиражом – 100, 200, 500 тысяч, а то и миллион. Я знал, что за составом авторов бдительно следил агитпроп Севрука и отдел культуры Беляева. И они не пропустили неугодных. Да и выходила у меня там книжка недавно. По ней и по книге критики в издательстве “Современник” я был принят в Союз писателей. Это и спасло от полной расправы. Спрашиваю: “Ну, а можно?” Анатолий Владимирович не ответил, сказал о другом: “Через недельку приноси”. Как обошел он бдительных цензоров и агитпроповских фискалов – я не знаю. Через два месяца книжка “Во имя потомков” вышла.

Переходящих на другую сторону стало меньше, звонки стали звучать чаще. Вышла книжка – значит, власть сменила гнев на милость. А власть и осталась такой же тупой и бездарной – и скоро рухнула. Милость и добросердечие, так необходимые мне тогда, проявил замечательный, добрый человек, умница и дипломат, мудрец с чистым, как у ребенка, сердцем, Анатолий Владимирович Софронов. Кланяюсь ему и чту его память.

...А сфотографироваться мы так и не собрались. А жаль, этой фотографии, где в центре сидел бы Анатолий Владимирович с теми, кто защищал Отечество на тех дальних временных рубежах, нам не хватает сегодня.